

Валерий Панюшкин

СПЕЦИАЛЬНО
ДЛЯ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Необходимая роскошь

Когда кризис, когда котировки падают, платежи не проходят и люди отказываются от излишеств, хорошо бы помнить, что вместе с другими рынками падает и рынок благотворительности. Компании, которые были в России основным источником благотворительных денег, сокращают бюджеты, включая и благотворительные. Однако же благотворительность — это та роскошь, от которой мы не можем отказаться. Ничего страшного, если мы не купим дорогой автомобиль, а купим дешевый или вовсе будем ездить на метро. Но уму непостижимо, чтобы мы отказали детям в спасении от смерти или в возможности учиться, отказали старикам в признании, а науке — в развитии.

● Форум доноров третий год подряд проводит конкурс «Корпоративный донор России». На этот раз победили программы «Русала», «Северстали» и «Сахалин энерджи», ТНК-ВР, ФИА-банка и «Кубишьевазота», совместный проект ООО «Амэзи», ЮНИСЕФ и РОИИ «Перспектива». Цель конкурса в том, чтобы понять, сколько денег тратят российские компании на благотворительность, как и на что тратят. Объявленные теперь результаты конкурса имеют отношение к 2007 году. Исполнительный секретарь Форума доноров Наталья Каминская говорит, что по результатам конкурса мы можем судить, какой была благотворительность в России до кризиса, и можем придумать, как благотворительность оптимизировать, чтобы меньшими средствами добиться больших результатов.

Если верить Наталье Каминской, корпоративная благотворительность в России росла, но росла весьма неровно. Росла часто как попало: без особой стратегии, без особого понимания целей, без достаточной координации усилий и системных попыток объяснить общество, что и зачем делается. Выделялись крупные компании, имевшие стратегические или так называемые брендовые благотворительные проекты. Не только в Москве такие компании, как «Русал» или Росбанк, но и в провинции, к примеру, ОАО «Территориальная генерирующая компания № 5» на Урале или тольяттинский ФИА-банк в Поволжском регионе создавали специальные подразделения, выделяли особые благотворительные бюджеты, нанимали менеджеров, чтобы придумать и осуществлять программу, которая эффективно изменяла бы жизнь вокруг компании к лучшему и рассчитана была бы на много лет. Эти «брендовые» проекты, говорит Каминская, скорее всего, продолжают существовать и в условиях кризиса хотя бы потому, что накрепко связаны с имиджем компаний и свидетельствуют о серьезных намерениях компаний участвовать в жизни общества. Большинство компаний занимались филантропией по множеству направлений, но спорадически: то из пиар-бюджета давали что-то, то из джар-бюджета, то просто владельцы компании вытаскивали деньги из бумажника. В условиях кризиса подобного рода благотворительность, скорее всего, уменьшится, а кое-где — и вовсе прекратится.

К тому же, говорит Каминская, российские компании не уделяли должного внимания информационной составляющей своих благотворительных программ. И хотя принято считать, будто корпоративная благотворительность — это не помощь, а чистой воды пиар, не все компании рассказывали о своих проектах: дескать, нечего кричать на каждом углу о своих добрых делах. И подобный эффект «скромного молчания» заключается в том, что люди почти не знают, какие социальные блага рискуют потерять, если обанкротится работающий в их городе завод или банк. Люди не готовы, следовательно, помочь если не банку, то хотя бы его благотворительной программе.

Кроме того, «скромное молчание» не позволяло партнерам и конкурентам благотворителя обсуждать эффективность его филантропии, и поэтому вот у нас кризис на дворе, рынок благотворительности падает, а мы до сих пор не научились тратить деньги на благотворительность эффективно.

Придется учиться в условиях кризиса. Во-первых, говорит Каминская, придется понять, что наиболее устойчивы те благотворительные программы, в которые вовлечены люди, физические лица. И в следующем году самыми успешными, самыми востребованными и самыми правильными благотворительными проектами станут те, что будут вовлекать в благотворительность сотрудников и клиентов. Придумайте, иными словами, технологию, которая помогла бы людям помогать друг другу.

Во-вторых, говорит Каминская, надо понять, что благотворительность — это не только деньги. Можно жертвовать на благотворительность свое время, свои мозги, свои профессиональные навыки, свои технологии, свои офисные площади, свои связи. Пока что кроме денег россияне умеют жертвовать еще только одежду, игрушки и кровь.

В-третьих, не надо бояться рекламы. Если богатые обеднеют и не могут справиться с социальными проблемами вокруг, если мы хотим помочь простым людям помогать друг другу, то люди должны узнать как-то о существующих вокруг них проблемах и о возможных способах разрешения этих проблем.

В-четвертых, надо думать не только о латании сиюминутных дыр. Конечно, мы в первую очередь будем кричать о том, что нужно помочь больным детям. Но кто-то должен подумать и об образовании, и о науке, и о стариках, и об экологии, и о бездомных животных. И даже — страшно писать это — о культуре.

В-пятых, нужно наконец добиться льгот от государства. Каминская говорит, что государство ведет себя патерналистски. И чем глубже кризис, тем больше государство будет делать вид, что может разрешить все проблемы населения само. Это неправда. Оно не сможет. Надо убедить государство позволить людям и даже помочь людям помогать друг другу.

Пересадка позади и лекарства есть

Денис Степанов начал восстанавливаться после операции

Дорогие друзья! Необходимые 1,6 млн руб. на лекарства для Дениса Степанова собраны. История этого мальчика из Перми мы рассказали в „Ъ“, в «Газете.ру» и на сайте www.rusfond.ru 24 октября. У Дениса рак крови, спасти его может пересадка материнского костного мозга. Такие операции сопровождаются приемом дорогих лекарств. Теперь деньги на эти препараты есть, и все зависит от самого Дениси, его организма.

Вчера у Дениса впервые после пересадки выросли лейкоциты в крови

В конце октября в Институте гематологии и трансплантологии им. Р. М. Горбачевой (Санкт-Петербург) Денису трансплантировали мамин костный мозг. Как сообщает заведующий отделением института Наталья Станчева, состояние мальчика соответствует тяжести заболевания, а вчера у него

Цветы его жизни

Антон Дмитриева спасет срочная операция в Германии

За €36 тыс. десятилетнего мальчика с врожденным пороком сердца прооперируют в Берлинском кардиоцентре. Российские врачи, назвав порок Антона Дмитриева неоперабельным, признают, что помочь ему не могут. А ему срочно нужна помощь. Антон слаб, недобирает в весе, физическом развитии, и ему сейчас не то что лазать по деревьям или кататься на велосипеде, уже и ходить трудно. Но если собрать деньги, если сделать операцию, Антон вполне может стать самым счастливым мальчиком на свете.

В Пскове дождь, но Антон со своей мамой Инессой выходит встречать меня на улицу. Они живут почти на окраине, все дома здесь одинаковые, и подъезды одинаковые, чужака недолго и заблудиться. Антон учится на дому, через два часа к нему должна прийти учительница, и взаперти придется сидеть долго. Поэтому мы решаем хоть и под дождем, но подышать воздухом.

Антон хмур. Медленно под детским зонтом он шагает впереди. А за ним — мы с Инессой. Мальчик сосалипит, шагает неуверенно и вообще неважно выглядит. Это бессмысленное хождение в сырости не очень-то ему приятно. И еще через каждые двадцать метров передышки. От самой маленькой нагрузки у Антона синееет под носом и вокруг губ. Он стоит и смотрит в лужу. С мамой и со мной почти не разговаривает.

Еще в роддоме у Антона нашли врожденный порок сердца. Шесть первых недель жизни он провел в реанимации, а в три месяца родители обратились к кардиологам Санкт-Петербурга. После зондирования диагноз был уточнен: тетрада Фалло плюс атрезия (отсутствие) легочной артерии. Это значит, что в крови Антона катастрофически не хватает кислорода. Отсюда и синюшная кожа, и слабость, и апатия.

Инесса сказала, что подобные операции в Петербурге не проводятся. Когда Антону исполнилось семь лет, ему сделали повторное зондирование и приговорили: «порок неоперабельный».

Войдя в квартиру, Антон сразу оживает. Комната, в которой он живет со своими ро-

дителями, — настоящий сад. Цветы и декоративные деревья на пюпитаре, на подоконнике, на шкафу. Роза, мирт, пальма, фикус, пацифи, лилия.

— Видите, — подсаживается ко мне Антон, — это роза. Она колючая. Мы с мамой вырастили ее вот из такого росточка.

Антон сдвигает большой и указательный палец на расстояние сантиметра и подносит кулачок к носу, чтобы точнее выверить расстояние.

— Это правда, — подхватывает Инесса, — я с работы отросток принесла, и мы вместе с розочкой ухаживали.

Летом, когда жарко, Антон прячет горшки с цветами и деревьями в комнату, а вечером выносит на балкон подышать. Опрыскивает их водой, чтобы они не мучались от жажды. И не пропускает ни одной поливки. Следит за режимом питания растений по часам.

В 2004 году Дмитриевы повезли Антона в Москву. И снова зондирование, подтверждение диагноза и заключение: «пока неоперабельный». В прошлом году тот же ответ, что в Питере: «порок неоперабельный». Наблюдающий Антона псковский кардиолог не советует ездить даже в санаторий. «Вам это ни к чему», — говорит она Инессе. Когда Инесса впервые услышала это заключение, она поняла: надо искать спасение самой.

Антон ходит по комнате от одного цветка к другому и опрыскивает их пульверизатором. Во всех горшочках, больших и маленьких, глиняных и пластмассовых, округлых и квадратных, в земле лежат ракушки.

— Зачем они? — спрашиваю я Антона.

— Цветы от них лучше растут, — уверенно говорит мальчик. — Вот у вас есть цветы? — Ну да, кактусы, — улыбаясь.

Антон достает из-под стола большой мешок с ракушками.

— Возьмите, — говорит он мне, — для вашего кактуса. Он цвести будет.

Мой кактус не цвел за три года ни разу. И я понятия не имею, что нужно делать для того, чтобы с ним такое случилось. Но почему-то сейчас я точно знаю, что поможет именно эта ракушка-завитушка, и бережно прячу ее в карман.

В Москве и Петербурге Антона признали неоперабельным.

Апсковский кардиолог не советует ездить даже в санаторий. «Вам это ни к чему», — сказала она Дмитриевым. Когда Сашина мама услышала это заключение, она поняла: надо искать спасение самой

В интернете Инесса Дмитриева нашла информацию о кардиоцентре в Берлине. Отправив туда документы, результаты зондирования и ангиографии, она получила положительный ответ: «приезжайте, обследуем и прооперируем». Берлинский кардиолог Станислав Овруцкий сказал ей, что после лечения в Германии мальчик проживет обычную жизнь и будет учиться вместе со сверстниками.

Со сверстниками Антон общался только в детском саду и дружил в основном со сверстницами. На его любимой фотографии, которую он сам поставил в рамке на пианино, рядом с ним две его подружки, Наташа и Даша.

— Они его опекали, — рассказывает мне Инесса. — Видели, что слабенький, и очень заботились. Игрушки приносили, фрукты. Антон забирается на кресло, горбится. Он закрывает глаза, рука поддерживает трюльницу, а вокруг губ уже появился синий ореолок. Это цитаноз, верный признак большого сердца.

Скоро придет учительница. Антону надо отдохнуть, и Инесса уводит меня на кухню. На столе стопка тетрадей. Я открываю тетрадь, подписанную «Мир вокруг нас». На первой странице нарисованная Антоном планета Земля, а под ней лента времени.

«Сто лет — это один век», — написал Антон.

Вот пройдет лет пятьдесят, и где-то на Земле разрастется огромный сад, который вырастит Антон. Сад роз, фикусов, миртов и пацифилов. Земля в том саду будет усыпана ракушками-завитушками, а цветы и деревья будут цвести.

Совсем неплохой итог одной человеческой жизни. Если на ее сохранение у кого-нибудь найдется €36 тыс.

Ольга Коршакова

КАК ПОМОЧЬ ДЛЯ СПАСЕНИЯ ДЕСЯТИЛЕТНЕГО АНТОНА ДМИТРИЕВА НЕ ХВАТАЕТ 981 725 РУБ.

Вот как оценивает ситуацию врач Немецкого кардиоцентра в Берлине Станислав Овруцкий: «Судя по заключениям российских специалистов, у Антона тетрада Фалло и атрезия легочной артерии. У себя в центре мы тщательно обследуем мальчика, чтобы определить, заложена ли и насколько развита легочная артерия. Если окажется возможным, наши хирурги восстанавливают нормальное кровоснабжение между правым желудочком и легочной артерией, что будет означать восстановление двухжелудочкового круга обращения. Если же легочной артерии нет вообще, то подобная коррекция невозможна. Тогда будет проведено хирургическое лечение для улучшения состояния и уменьшения синюшности».

Берлинские врачи уверены, что второй вариант маловероятен, потому что по российским медицинским документам легочная артерия все-таки есть. Берлинцам осталось только самим убедиться в этом.

Дорогие друзья! С вашей помощью в Берлинском кардиоцентре успешно прооперированы уже четверо ребятишек. Центр выставил Дмитриевым счет на €36 050. В эту сумму входит обследование, операция и стационарное пребывание Антона в клинике в течение 20 дней. Мама Антона Инесса будет бесплатно жить в гостинице для родителей, а перелеты Дмитриевых оплатит дружественный нам фонд «Подари жизнь». Как всегда, наш постоянный партнер инвестиционная группа «Кали-

таль» внесет 262 тыс. руб. (подробности на сайте www.rusfond.ru). Таким образом, остается найти еще 981 725 руб. Родителям Антона таких денег не собрать. Ваши пожертвования мы передадим Инессе Петровне Дмитриевой на сберкнижку или в наш фонд «Помощь» (учредители ИД «Коммерсантъ» и Лев Амбиндер). Необходимые реквизиты есть в Российском фонде помощи. Можно воспользоваться нашей системой электронных платежей (подробности на сайте www.rusfond.ru) и сделать пожертвование с кредитной карточкой или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа.

Экспертная группа
Российского фонда помощи

Из свежей почты

Рамиль Миндияров, 2 года, детский церебральный паралич, необходимо курсовое лечение. 156 тыс. руб. Внимание! СОБИНБАНК внес 50 тыс. руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 106 тыс. руб.

Очень надеюсь, что мое письмо попадет на глаза сострадавшим людям. Нам нужна помощь! У меня родился семимесячный мальчик с тяжелым диагнозом: спастический тетрапарез, частичная атрофия зрительных нервов. С пяти месяцев мы лечим Рамиля в больнице, посещаем реабилитационные центры, делаем массаж, но сын совсем не развивается. Он лежит не переворачиваясь, руки не работают, даже за игрушкой не тянется. Нам очень рекомендуют лечение в Институте медтехнологий (ИМТ), но финансовое положение семьи не позволяет. Муж водителем на стройке зарабатывает 6 тыс. руб. Я работала швеей на фабрике, а сейчас дома с детьми (у нас еще дочь-первоклассница). Живем в 12-метровой комнате в общежитии, где кухня и туалет общего пользования. Я даже еду порой не могу готовить, ведь Рамиля не оставишь и на кухню не возьмешь. Ходили насчет квартиры, но нам ничего не oferecem и не дают ипотеку. Да это и не главное. У нас одна мечта: сына на ноги поставить. Ляйсан Миндиярова, Татарстан

Невролог ИМТ Ольга Рымарева (Москва): «Рамиль действительно не вступает в контакт, речь не понимает, не сидит и не ходит, но вывести на уровень самообслуживания мы его сможем».

Дима Гилев, 7 лет, артритрироз, двусторонний вывих бедер, необходима операция. 66 700 руб.

Диму я воспитываю одна. Муж сбегал, узнав о больном ребенке, не стал помогать нам, а потом скончался в результате несчастного случая. Работать не могу: я всегда рядом с сыном. Живем на пенсию по уходу за ребенком-инвалидом в 7,5 тыс. руб. Сынишка мое счастье, моя радость, и я всей душой стремлюсь вылечить его. Уже прооперировали ахилловы сухожилия обеих ног и пальцы левой руки, но из-за врожденного вывиха бедер и деформации ног он не ходит и не стоит, только ползает. Вопреки болезням Дима растет умным, шустрым и общительным. Дружит и с инвалидами, и со здоровыми ребятами. Хирурги говорят, вылечить можно, а вот средств на операцию нет. Мои родители деревенские пенсионеры. Нас с Димой пустил пожить в свою городскую квартиру брат отца, так к медицине поближе, Дима очень хочет ходить! Помогите нам. Ольга Пилева, Кемеровская область

Научный консультант Русфонда профессор Михаил Михайлович: «Артритрироз — сложное заболевание, при нем деформируются крупные суставы верхних и нижних конечностей. Немедленная операция даст максимально возможный результат. Отложим ее — и потом потребуются более травматичные операции, а эффект будет меньшим».

Аня Ильяева, 1 год, сирота, несовершенный остеогенез, надо срочно продолжить лечение. 150 тыс. руб.

В наш Дом ребенка Аня Ильяева поступила четырехмесячной 30 ноября 2007 года. Мать, узнав диагноз «несовершенный остеогенез» (ломкость костей), оставила девочку в роддоме. Об отце сведений нет. Аня уже перенесла переломы плечевой и локтевой кости, головки лучевой кости от перелома сместились. Кости плохо срастаются, медлить с лечением нельзя. Ухаживать за Аней помогает волонтер Светлана: она приобрела специальную коляску и водные матрасы, нашла медцентр и людей, оплативших первый курс лечения, и Анечка стала садиться и переворачиваться. Славная девочка — охотно идет на руки, всем улыбается. Надеемся отдать ее в семью, но пока она очень слаба, а язык по сравнению с ней большой, он во рту не уместается, и Слава стал задыхаться. От неправильного дыхания деформируется грудная клетка. В сырую погоду челюсть ноет, мальчик места себе не находит. Из гимназии перевели его в школу для инвалидов, там хотя бы не дразнят. Раньше операции оплачивала наша республика, в этом году нам отказали. Я санитарка в поликлинике, муж рабочий, общий заработок 13,5 тыс. руб. Не лечить Славу нельзя и лечить ее не так. Помогите! Татьяна Гремьякина, Горный Алтай

Заведующая отделением педиатрии Московского американского медцентра Наталья Белова: «Лечение Ани надо срочно продолжить. Любая новая инфекция может ее убить».

Слава Бичаков, 11 лет, недоразвитие нижней челюсти, необходима операция. 90 тыс. руб. Внимание! Общество помощи русским детям (США) внесло \$1250 (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 56 150 руб.

Кто-то у моего сына рот перестал открываться, а нижняя челюсть — расти. Горно-алтайские врачи с таким заболеванием столкнулись впервые, а в Барнауле сказали, что это лечится только в Москве. В клинике профессора Рогинского Славе сделали восемь операций на нижней челюсти. Мальчик растет, и рот опять едва открывается. Жевать трудно, челюсть маленькая, а язык по сравнению с ней большой, он во рту не уместается, и Слава стал задыхаться. От неправильного дыхания деформируется грудная клетка. В сырую погоду челюсть ноет, мальчик места себе не находит. Из гимназии перевели его в школу для инвалидов, там хотя бы не дразнят. Раньше операции оплачивала наша республика, в этом году нам отказали. Я санитарка в поликлинике, муж рабочий, общий заработок 13,5 тыс. руб. Не лечить Славу нельзя и лечить ее не так. Помогите! Татьяна Гремьякина, Горный Алтай

Руководитель Центра челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Сейчас привел к недоразвитию нижней челюсти и анкилозу (неподвижность сустава). Погибли головки сустава, челюсть перестала расти. Каждый год ее приходится удлинять, чтобы устранить опасную для жизни дыхательную обструкцию. Сейчас челюсть вновь надо удлинить».

Денис Коновалов, 2 года, врожденный порок сердца, спасет эндовазкулярная операция. 133 600 руб. Внимание! Компания ТТК внесла \$2,5 тыс. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 65 900 руб.

Мы переехали жить в Алтайский край с мужем и дочерью недавно из-за трагедии в нашей семье. Потеряв сына, который не прожил и месяца, мы не смогли оставаться в Убейкинске, так было невыносимо. Имущественно у нас практически ничего нет. На Алтай удалось взять в кредит недостроенный домик. Год я была сама не своя, потом боль отпустила, и у нас родился сын Денис. И у него тоже проблема с сердцем, так было и у первого сына! Врачи успокаивают, говоря, что все можно исправить. Но высокие технологии нам не по карману, мы пока малообеспеченные люди. Муж нашел работу за 10 тыс. руб. Спасибо, что не оставили нашу просьбу без внимания. Хатуня Коновалова, Алтайский край

Ведущий сотрудник Томского НИИ кардиологии РАМН Сергей Иванов: «После рождения у Дениса не закрылся артериальный проток. Часть крови возвращается в легкие, вызывая легочную гипертензию и расширение камер сердца. Ждать нельзя, надо немедленно закрыть проток. Мальчик станет здоров».

Реквизиты авторов и клиник есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на www.rusfond.ru).

Для ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи (Русфонд) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма, мы публикуем их в «Ъ», в «Газете.ру» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей (подробности на www.rusfond.ru). Возможны переводы с кредитных карт и электронной наличностью. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше \$27,515 млн. В этом году (на 6 ноября) собрано 173 503 294 руб. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям горевших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волго-Донске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252 г. Москва, а/я 50; www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru. Телефоны: (495) 926-35-63, (495) 926-35-64 с 10.00 до 21.00. Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».

мир Александрович, Денис Иванович, Оксана, Максим, Левон, Александр Александрович, Руслан, четыре Андрея, две Светланы, Алина, Любовь, две Натальи, Кирилл, Татьяна Константиновна, Леонид, два Михаила, Пуляра, Николай, Александра от Андрея Александровича, Армен, Валентина, три Владимира, Владислав, Олег и Алексей, Наталья Олеговна, Долорес, Зинаида, Олег, две Татьяны, Денис, Валентин Иванович, Анастасия, Надежда, Ирина Николаевна, Александр (все — Москва).

Спасибо! Алексей и Лев Амбиндер, Анна Железнова, Антонина Надсана

Полный текст отчета публикуется на сайте www.rusfond.ru.